

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Канонизация святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Воспоминания

На меня сильное впечатление произвело огромное количество людей, пришедших на Карповку в день канонизации отца Иоанна. Это событие всколыхнуло народ. Казалось, что весь город двинулся к Иоанновскому монастырю. Проехать было невозможно — все заполнено народом. Когда я был студентом Академии, можно было только к окошечку монастыря подойти, рукой к фундаменту приложиться, а тут — пожалуйста, открыто.

*Кронштадтский пастырь. Церковно-исторический альманах. Выпуск II.
М.: «Отчий дом», 2010*

Об отце Иоанне Кронштадтском я знаю с детства. Родился я в глухой деревне на Украине, однако все верующие в наших краях помнили, что был такой замечательный человек, священник — отец Иоанн. Его называли «Батюшка Иоанн». Поскольку это было советское время, имя его находилось под запретом — его связывали с царем, с прежним строем. О «Батюшке Иоанне» говорили между собой, а в домах я часто встречал его фотографии. Позднее, когда я учился в Духовной семинарии, на летних каникулах мне приходилось бывать и на Урале, и в Воронежской области, и на Донбассе — и везде в домах верующих я видел в переднем углу, недалеко от икон,

фотопортреты Батюшки. Его почитание было очень широко распространено. А вот книг отца Иоанна мне в детстве и в юности читать не приходилось. В библиотеках Киевской и Одесской семинарий, где я учился, их просто не было. А когда в 1961 г. я стал студентом Петербургской (тогда Ленинградской) духовной академии, я узнал, что сочинения отца Иоанна попали в особый фонд запрещенных книг и студентам их не выдавали.

По назначении инспектором Академии и семинарии я получил возможность проверять документы и установил, что в 1960-х гг., а возможно и ранее, в Академии работала специальная комиссия по линии уполномоченного Совета по делам религии, которая занималась отбором книг для помещения в особый фонд хранения (так называемый «спецхран»). В этот фонд попадали книги монархического содержания и другие сочинения, показавшиеся советской власти опасными. Труды отца Иоанна также оказались в «черном списке», и заведующий библиотекой довольно бдительно следил за тем, чтобы к студентам запрещенные книги не попадали. Нужно было специальное разрешение, чтобы получить их. Вплоть до перестройки ситуация не менялась. Я, будучи инспектором, предпринимал попытки открыть этот фонд — официально внести книги отца Иоанна в общее пользование. Но в то время это оказалось невозможным. В 1960-е гг. вообще стоял вопрос о закрытии Духовной академии — «гнезда антисоветчины». В газете «Смена» появилась тогда разгромная статья с характерным заглавием: «Гнездо контрреволюции в городе трех революций». На этой почве старались подобрать какие-то свидетельства, материалы, чтобы сфабриковать обвинение и под девизом борьбы за советскую власть Академию закрыть. Поэтому хоть я и пытался ставить перед уполномоченным вопрос о пересмотре списка запрещенных книг, хоть и убеждал его, что само существование такого списка дискредитирует систему, пробить брешь тогда не удалось. Но, конечно, и в те годы тот, кто действительно хотел и был настойчив, в конце концов мог добиться разрешения ректора взять книги отца Иоанна и почитать их. Особенной популярностью пользовалась «Моя жизнь во Христе».

Все-таки, несмотря на запреты, имя отца Иоанна в то время вызывало споры, велись обсуждения. А когда Зарубежная Церковь причислила его к лику святых, разговоров стало больше. Помню, однажды за трапезой у владыки Никодима (тогда резиденция митрополита Ленинградского и Новгородского располагалась на первом и втором этажах в здании Духовной академии) зашел разговор о почитании отца Иоанна Кронштадтского. Один из сотрапезников, желая выделиться тем, что он очень почитает отца Иоанна, начал много говорить о нем, правда, общими фразами. Владыка спросил его, знает ли он какое-либо песнопение, посвященное праведнику? Ведь об отце Иоанне даже

простой народ пел псалмы. Батюшка несколько замялся и ничего конкретного не произнес.

Известно, что у митрополита Никодима была прекрасная память, и он легко и просто на 4-й глас спел тропарь в зарубежной редакции:

Со Апостолы изыде вещание твое в концы вселенныя, с исповедники страдания за Христа претерпел еси, святителем уподобился еси слова проповеданием, с преподобными во благодати Божией просиял еси. Сего ради вознесе Господь бездну смирения твоего извыше небес, и дарова нам имя твое во источник предивных чудес. Темже во Христе во веки живый чудотворче, любовьию милуяй сущия в бедах, слыши чада твоя, верою тя призывающия, Иоанне праведне, возлюбленный пастырю наш.

А затем также просто и четко пропел кондак:

От младенчества Богом избранный, и во отрочестве дар учения чудесно от него приемый, и к пресвитерству в сонном видении преславно призван быв, пастырь дивный Церкви Христовы явился еси, отче Иоанне, благодарим, тезоименинниче, моли Христа Бога всем нам с тобою в Царствии Божиим быти.

А в 1988 г. во время празднования тысячелетия Крещения Руси мы все почувствовали, что возможностей и свободы стало больше. Митрополитом в Ленинград назначили нынешнего Святейшего Патриарха Алексия. Он-то и поставил вопрос о канонизации блаженной Ксении Петербургской и отца Иоанна Кронштадтского. Это было в 1990 г. А еще ранее он заговорил о необходимости вернуть Церкви здание Иоанновского монастыря.

И то, и другое было очень непростым делом, так как, в частности, в бывшем монастыре находилось множество советских учреждений. Владыка поставил вопрос принципиально и здесь, и в Москве. К счастью, сознание правительства, властей, русских людей после торжественного празднования тысячелетия Крещения Руси как-то сдвинулось. На волне перестройки стало возможным и возвращение здания монастыря Церкви. Власти дали разрешение открыть монастырь и начали освобождать здание по частям.

Я в это время был ректором Духовной академии и семинарии. Очень хорошо помню, как мне неожиданно позвонили из Пюхтиц матушка Георгия, сейчас игуменья Горненского монастыря в Иерусалиме, и матушка Варвара. Им было поручено подготовить к освящению нижний храм Иоанновского монастыря, а монахинь у них здесь еще не было. Матушка Георгия мне говорит: «Вы знаете, владыка Алексей дал нам две недели сроку, чтобы вычистить все. Мы не знаем,

что делать. Нам самим не справиться. Помогите». Рабочие к ним какие-то добровольцами пошли, а я решил давать студентов — снимал их с занятий и направлял на Карповку. Сколько там мусору было — кошмар! Во время войны в нижнем храме устроили бомбоубежище для начальства. Там осталось очень много бетонных плит, балок, стоек, перегородок. Потом там какие-то художники имели мастерские. Когда мы с владыкой Алексием увидели все это в первый раз, мы ужаснулись. В подвале монастыря все было завалено мусором, бетонными обломками, остатками мебели. Так что работы для студентов было хоть отбавляй. Чтобы они не теряли времени на дорогу до Академии и обратно, решили кормить их прямо на месте. Наладили доставку из семинарской столовой обедов на 40-50 человек. Машиной возили.

Так и трудились всем миром: матушка Варвара из Пюхтицкого монастыря монахинь прислала, я — студентов; отец Борис Глебов деньгами помог. Уже было намечено освящение. Две недели — очень короткий срок. Но мы тогда вообще жили по принципу: делай быстрее, пока власть не передумала. Решение о передаче здания монастыря могли в любой момент отменить. Мы понимали, что если откроем нижний храм, закрепимся, назад ходу не будет. Этот энтузиазм нас всех тогда и поддерживал. Понимали, что короткие сроки не каприз митрополита, а жизненная необходимость. Конечно, чувствовалось, что другая эпоха наступает, но все же у нас за плечами был очень печальный опыт...

За две недели мы справились, подготовили к освящению нижний храм. Перегородки разломали, перекрытия убрали, мусор вынесли и даже купол раскрыли (он был закрыт в войну — на случай бомбежек). Потом было освящение.

Народу пришло очень много. Освящал храм сам митрополит Алексей в сослужении всего ленинградского духовенства. Я, помню, произнес тогда приветственное слово о том, что зажигается первая лампада в память великого русского молитвенника отца Иоанна Кронштадтского. Событие было громкое, по радио и телевидению о нем много говорили. Иоанновский монастырь был первым открытым в нашем городе в постсоветское время.

После освящения храма дела монастыря пошли на подъем. Но, конечно, работы было еще очень много. Во-первых, владыка Алексей стал добиваться, чтобы Церкви передали весь монастырь. Мы освятили маленький храмик внизу, а о верхнем храме только мечтали, в кельях еще люди жили. Однако постепенно люди и организации переехали, помещения освободились — их нужно было ремонтировать, осваивать. Во-вторых, пришло время квалифицированных реставрационных работ. Иоанновский монастырь — памятник архитектуры. Чтобы восстановить его, понадобились немалые средства и специалисты-

профессионалы, а не просто студенты. Но все равно мы помогали, как могли.

Кстати, студенты Академии участвовали в работах с большим энтузиазмом. Имя отца Иоанна вызывало у них интерес. Книг Батюшки, как уже упоминалось, в библиотеках не было, на лекциях о нем не говорили, даже не цитировали, но молодые люди о нем все равно как-то слышали и что-то знали. Ну а потом — отец Иоанн такая яркая личность, что мало кого может оставить равнодушным. В Академии мы организовали несколько тематических вечеров, посвященных Кронштадтскому Батюшке: готовили специальные доклады, обсуждали их. Помню, один мужичок написал страниц сто на тему: «Лев Толстой и о. Иоанн Кронштадтский». Интересные наблюдения были. Поднимались темы о социальном служении Батюшки, о деятельности кронштадтского Дома трудолюбия. Это для нас имело и имеет сейчас принципиальное значение. Говорили и о возрождении литургического богословия, которое тоже началось с отца Иоанна. Наши тематические вечера помогли студентам лучше узнать Батюшку. Тогда канонизация его еще только готовилась. Я понимал, как важно, чтобы и молодое поколение, пришедшее в нашу Церковь, увидело святость отца Иоанна, чтобы канонизация не стала делом одной церковной иерархии.

Потом отца Иоанна причислили к лику святых. По этому поводу было особо торжественное служение. Перед монастырем сделали помост, потому что нижний храм не мог вместить всех желающих, а верхний еще не был открыт. Митрополит Алексей стал уже Патриархом и специально на торжества прилетел из Москвы. Помню, когда произносили приветственные речи, произошел такой случай. Помост, на котором стояли духовенство и гости, вдруг провалился как раз там, где находился А. Собчак со своей делегацией. Хорошо еще, что помост был коврами закрыт — гости не упали, а только опустились. Поднялся шум, гам... Конечно, умысла тут не было. Просто что-то не рассчитали, да и средств на солидный помост, как всегда, не хватило.

Торжества по канонизации святой блаженной Ксении Петербургской и святого праведного отца Иоанна Кронштадтского — это памятные знаменательные события для нашего города и для всей Русской Православной Церкви. Они оставили в сердцах людей глубокий след. На меня сильное впечатление произвело огромное количество людей, пришедших на Карповку в день канонизации отца Иоанна. Это событие всколыхнуло народ. Казалось, что весь город двинулся к Иоанновскому монастырю. Проехать было невозможно — все заполнено народом. Когда я был студентом Академии, можно было только к окошечку монастыря подойти, рукой к фундаменту приложиться, а тут — пожалуйста, открыто. Энтузиазм народа был огромным, несмотря на то, что уже выросло поколение людей, оторванных от веры, не знавших отца Иоанна.

После того как отца Иоанна причислили к лику святых, освятили его икону, наладилась богослужebная жизнь, потихоньку монастырь стал оживать: появились спонсоры, жертвователи, почитатели, местные власти помогли, увеличилось количество монахинь, и на их плечи легли основные труды по благоустройству обители.

К настоящему времени монастырь не только главное здание получил, но и вспомогательные. На сегодняшний день Иоанновский монастырь, имеющий статус ставропигиального, наверное, самый крупный монастырь в Петербурге.

В моей жизни была и еще одна знаменательная встреча с отцом Иоанном. Я когда-то занимался историей Пюхтицкого монастыря, который в XIX в. возник с благословения Батюшки. Однажды, работая в архиве и перелистывая папку с письмами первой монахини и основательницы Пюхтицкого монастыря, вдруг обнаружил открытку, написанную Батюшкой. Глаз остановился на знакомом, очень характерном почерке. Отец Иоанн призывает на монастырь благословение Божие, радуется успехам, посылает сто рублей. Очень важная для меня находка была. Тем более, что это произошло еще в советское время.

Сейчас идет серьезное изучение биографии отца Иоанна. О его жизни можно теперь узнать много конкретного. Замечательно, что люди стали больше читать труды самого Батюшки. Издаются его дневники. Раньше «Батюшка Иоанн» воспринимался как символ простоты и святости. В народное сознание он вошел как простой и добрый пастырь. Я бы не сказал, что он ассоциировался у людей именно с царским режимом, как это пыталась представить советская пропаганда. Однако сейчас, я думаю, настало время, когда мы должны обратиться к наследию отца Иоанна и других наших подвижников веры и благочестия с серьезными и важными вопросами. Что произошло с чадами Русской Православной Церкви? Почему большая часть народа ушла из ее ограды? Куда смотрели пастыри, когда разбредались овцы? Почему даже такие святые люди, как отец Иоанн, не смогли остановить разрушительные процессы? А у себя мы должны спросить: какие уроки мы извлечем из того, что произошло с русским Православием в XX веке?

Чтение дневников отца Иоанна во многом помогает разобраться. Он был одним из тех священников, кто, благодаря своему прекрасному образованию, трезво ориентировался в ситуации. У него было чувство такта, чувство времени. Да, он имел монархические убеждения, но никогда не был человеком узких взглядов. Отец Иоанн видел, что в России произошла духовная трагедия — люди почувствовали себя вне ограды Церкви. К сожалению, в те годы диагноз не был поставлен, болезнь не начали лечить. В результате трагедия разрослась до катастрофических масштабов. Россия разделилась, ее захватила классовая

борьба — самое страшное, что могло быть. Классовая борьба — это дьявольская затея. Она, эта классовая борьба, до сих пор ведь легко и быстро делит людей на группы, общества, партии, которые, враждуя между собой, не создают, а разрушают единство общества. Посмотрите, как быстро православные разделились на приемлющих ИНН и не приемлющих, на традиционалистов и модернистов. И это несмотря на постоянные призывы Святейшего Патриарха Алексия, Священного Синода и Архиерейского собора хранить единство и не поддаваться дьявольским соблазнам. Я понимаю, почему советская власть боялась отца Иоанна. Даже закрепившись внешне, власть внутренне не чувствовала уверенности. А отец Иоанн работал на внутреннее, обращался к сердцу человека. Для безбожной власти это было очень опасно.

Отец Иоанн был нестандартной личностью. Он выделялся среди русского духовенства конца XIX — начала XX в. Многие современники считали его странным. Но в России в XX в. все происходило иррационально, вся страна оказалась выбитой из руслу размеренной последовательной жизни. И мне кажется знаменательным, что именно отца Иоанна и блаженную Ксению — святых странных, необычных, выпадавших из привычного уклада жизни, — первыми вспомнили, когда рухнул советский строй. Канонизация отца Иоанна и блаженной Ксении была продиктована временем, любовью к ним митрополита Алексия, а также всем ходом русской истории. Это были явленные угодники Божии, как символы, снискавшие всенародное почитание. Господь ведет Свою Церковь. Есть Промысл Божий в том, что нашему народу в преддверии тяжелейших испытаний были дарованы именно эти святые. Русскому человеку нужны такие пастыри, как отец Иоанн, нужно его доброе, теплое пастырское слово и нужны такие подвижницы, как блаженная Ксения.

Я часто обращаюсь к отцу Иоанну за молитвенной помощью, когда возникают пастырские проблемы, когда складываются сложные, почти неразрешимые ситуации. И он помогает. Трудные ситуации облегчаются, проблемы разрешаются. Я благодарен Батюшке за его молитву, за его труды, за его удивительный опыт и очень рад, что мне довелось помочь в открытии его монастыря. Уверен, что теперь монастырь будет существовать долго и плодотворно.

Ремонтно-восстановительные работы в храме-приветствии монастыря Врлянского по передаче Церкви

Освящение храма преп. Иоанна Рыльского

Торжества прославления св. прав. Иоанна Кронштадтского 14 июня 1990 г.

Торжества прославления св. прав. Иоанна Кронштадтского 14 июня 1990 г.

Торжества прославления св. прав. Иоанна Кронштадтского 14 июня 1990 г.

Торжества прославления св. прав. Иоанна Кронштадтского 14 июня 1990 г.

Ремонтно-восстановительные работы в храме-усыпальнице св. прав. Иоанна Кронштадтского

Храм-усыпальница во время реставрации

Храм-усыпальница в 1990-
е гг.

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский
ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45

Проезд: ст. метро "Петроградская"

Телефон: +7-812-234-24-27